

С 1620В 002

КАНТ И СИЛЛОГИСТИКА. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ «ЛОЖНОГО МУДРСТВОВАНИЯ В ЧЕТЫРЕХ ФИГУРАХ СИЛЛОГИЗМА»

В. Н. Брюшинкин
(Калининградский университет)

Рассматривая вопрос об истоках трансцендентальной философии, обычно выделяют ее условные философские парадигмы (Лейбниц, Юм) и безусловную естественно-научную парадигму (картину мира, встроенную в ньютоновскую физику). На наш взгляд, существует еще одна парадигма трансцендентальной философии, которой до сих пор уделялось меньше внимания, — *логическая*. Иначе говоря, мы собираемся защищать тезис: содержание ряда центральных идей трансцендентальной философии обусловлено Кантовой интерпретацией формальной (общей) логики и, в частности, силлогистики.

Первый этап формирования Кантовой интерпретации общей логики можно проследить на материале его работы «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» (1762), служившей приглашением на его курс лекций. Хотя эта работа невелика по объему (чуть больше одного авторского листа), она поднимает ряд нетривиальных проблем, для рассмотрения которых требуется достаточно много места. Поэтому в статье мы рассмотрим только общие вопросы, связанные с логической парадигмой Кантовой философии, и содержание первых двух параграфов «Ложного мудрствования...»

В целом «Ложное мудрствование...» содержит обоснование тезиса, согласно которому настоящие, «чистые», умозаключения получаются только по I фигуре силлогизма, а силлогизмы по II—IV фигурам сводимы к силлогизмам по I фигуре введением в них непосредственных заключений и поэтому представляют собой «смешанные» умозаключения. К сожалению, сам этот тезис не вносит ничего нового по сравнению с логикой того времени и даже логикой давно минувших времен. Интерес «Ложному мудрствованию...» придают, скорее, «парадигматические» вопросы, о которых мы уже упоминали, а также некоторое число недоразумений, как имеющих в самой работе Канта, так и возникших вокруг нее.

Размышление предварительное. О недоразумениях

Первое недоразумение содержится в тексте работы. Кант утверждает: «Несомненно также и то, что до сих пор все логики рассматривали их (силлогизмы по II—IV фигурам.— В. Б.) как простые умозаключения, не требующие введения в них других суждений» (2, 71). Однако уже в 1-й главе «Первой Аналитики» Аристотеля мы читаем: «Совершенным я называю

силлогизм, который для выявления необходимости не нуждается ни в чем другом, кроме того, что принято, несовершенным же — силлогизм, который нуждается [для этого] в чем-то одном или многом, что хотя и необходимо через данные термины, но через [данные] посылки не получено»¹. А в главах 5, 6 и 7 той же книги мы находим учение о сводимости модусов II и III фигур силлогизма к силлогизмам I фигуры, которое даже полнее, чем изложение Канта.

Второе недоразумение связано с интерпретацией одного положения, высказанного Кантом в «Ложном мудрствовании...». Во вступительной статье ко второму тому русского перевода сочинений Канта А. Арсеньев и А. Гулыга пишут: «Имея в виду последнюю (формальную логику.— В. Б.), Кант говорит о колоссе, «голова которого скрывается в облаках древности, а ноги сделаны из глины»². Еще решительнее высказывается А. О. Маковельский: «Относясь пренебрежительно к силлогистике, Кант видит в ней праздную умственную игру и считает необходимым низвергнуть этот «колосс... (и т. д.)»³. К ним присоединяются В. И. Шинкарук⁴, а также Д. М. Гринишин и С. В. Корнилов⁵. Как мы видим, этот «колосс» уверенно шествует на своих глиняных ногах по нашей кантоведческой литературе. Однако, чтобы установить, что это всего лишь недоразумение, достаточно обратиться к русскому переводу «Ложного мудрствования...» Правда, в самой цитируемой фразе не говорится, что это за колосс, но контекст совершенно недвусмысленно свидетельствует, что Кант имеет в виду учение о разделении силлогизмов на четыре фигуры, а вовсе не формальную логику и даже не силлогистику в целом, которая, безусловно, не сводится к учению о четырех фигурах. Это нетрудно подтвердить текстуальным анализом, но достаточно и просто внимательного чтения десяти предшествующих этой фразе предложений. Приведенные же высказывания, по-видимому, свидетельствуют о некоторой предубежденности цитируемых авторов по отношению к формальной логике, предубежденности, которой, кстати, никогда не разделял сам Кант.

Размышление первое. О логической парадигме трансцендентальной философии

Действительно ли формальная логика оказала влияние на выработку идей Кантовой критической философии? Ответ на этот вопрос мы находим в «Критике чистого разума»: «Общая логика построена по плану, совершенно точно совпадающему с делением высших познавательных способностей. Эти способности суть рассудок, способность суждения и разум. Поэтому общая логика трактует в своей аналитике о понятиях, суждениях и умозаключениях сообразно функциям и порядку упомянутых умственных способностей» (3, 216). Это высказывание

говорит об общности плана логики и трансцендентальной философии, но оставляет открытым вопрос о генетической первичности. Ответ на последний вопрос дает нам сама структура трансцендентальной логики Канта, разделяющейся на два отдела: аналитику и диалектику. Аналитика, в свою очередь, делится на аналитику понятий и аналитику основоположений. Несложно увидеть прообраз этого деления в структуре формальной логики. К тому же критика каждой познавательной способности начинается с изложения учения о ней традиционной логики (логического применения этой способности). Однако взаимосвязи логики и трансцендентальной философии не ограничиваются общими структурными сходствами. Кант использовал, и результаты, полученные в самой логике, в частности, классификацию суждений, которая, по Канту, концентрировала многовековой опыт логической науки в описании логических функций рассудка. Поэтому Кант, естественно, использовал некоторую ее модификацию для построения своей таблицы категорий, задачей которой было перечисление понятий, необходимых и достаточных для построения априорной системы рассудка. Кант ясно говорит о существенной роли учения формальной логики в построении таблицы категорий в «Пролегоменах»: «...передо мной были уже готовые, хотя и не совсем свободные от недостатков, труды логиков, с помощью которых я и был в состоянии представить полную таблицу чистых рассудочных функций...» (4 (1), 144).

В трансцендентальной диалектике Кант также прибегает к «естественному отношению, которое должно существовать между трансцендентальным и логическим применением нашего знания, как в умозаклчениях, так и в суждениях» (3, 362—363). Это «естественное отношение» Кант широко использует при определении трансцендентального понятия разума: «Формальный и логический образ действия разума в умозаклчениях уже в достаточной степени указывает, на каком основании будет покоиться его трансцендентальный принцип в синтетическом познании посредством чистого разума» (3, 345). Резюмируя модельную роль общей логики в построении трансцендентальной, Кант говорит, что «мы можем ожидать, что логическое понятие содержит в себе также ключ к трансцендентальному понятию...» (3, 340), а также употребляет выражения типа «... всю логику, а *вслед за ней* (курсив наш.— В. Б.) трансцендентальную философию...» (3, 193).

Таким образом, создавая новую область знания — трансцендентальную философию, — Кант естественным образом воспользовался уже готовой, твердо установившейся областью знания — логикой, которая, будучи единственной разработанной систематической наукой о мышлении, давала Канту достаточно определенную модель для формирования новой — трансцендентальной — логики.

Размышление второе. Умозаключения и суждения

Особенностью Кантова подхода к силлогистике является своеобразная редукция умозаключений к суждениям. Кант начинает «Ложное мудрствование»... с разъяснения понятий суждения и умозаключения: «Высказать суждение — значит сравнить нечто как признак с какой-нибудь вещью» (2, 61), а «всякое суждение через опосредствованный признак есть умозаключение» (2, 62). Это определение умозаключения важно для Канта, именно его он повторяет в «Критике чистого разума». Вместе с тем в «Логике», где он, по-видимому, не имел «возможности все расположить согласно... собственному пониманию дела», Кант «в угоду господствующим вкусам» (2, 73) приводит другое определение: «...умозаключение ... есть выведение одного суждения из другого»⁶. Это определение встречалось в учебниках логики того времени, встречается в них и до сих пор и в общем-то не вызывает возражений. Здесь мы наталкиваемся на интересную деталь в Кантовом анализе умозаключений: хотя определение умозаключения как вида суждения играет важную роль в теоретических взглядах Канта, на практике он имеет дело с традиционным (и одновременно современным) понятием умозаключения. Все его примеры сформулированы как *выводы*, а не как *суждения*. Если бы Кант хотел последовательно провести свою точку зрения на умозаключения, то он мог бы воспользоваться примером Аристотеля, который, по мнению Лукасевича, формулирует свои силлогизмы как высказывания (суждения). Это расхождение между логической теорией и практикой у Канта, на наш взгляд, весьма показательно. Оно говорит о том, что определение умозаключения как суждения нужно было Канту не для его практических исследований по логике, оно было вызвано особенностями его философских взглядов и, прежде всего, говорило о генетическом отношении между суждениями и умозаключениями. Суждения для Канта генетически первичны, они являются единицей анализа мышления, умозаключения же — лишь суждения, приспособленные для определенных целей.

Здесь требуется небольшое отступление в не столь давнюю историю. В ходе формирования символической логики значительную роль сыграло представление рассуждений как высказываний, что можно проследить во многих трудах, связанных с представлением рассуждений в аксиоматических теориях гильбертовского типа. Это обстоятельство в философии логики стимулировало появление «высказывательного подхода» к представлению рассуждений. Этот «высказывательный подход», в свою очередь, оказал значительное влияние на решение таких проблем философии логики, как проблемы психологизма-антипсихологизма, субъекта и объекта, анализа-синтеза, информативности логических истин и процедур и т. п. В частности, это

влияние четко проявилось в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, в котором в качестве решений указанных проблем были предложены доктрины антипсихологизма, отрицания роли субъекта в логике, аналитичности и неинформативности логических истин и процедур⁷.

Кантова теория, в которой умозаключения являются одним из видов суждений, по-видимому, является в определенной мере предшественницей «высказывательного подхода» к представлению рассуждений. Интересно отметить, что те решения, которые предложил Витгенштейн, в основе своей сходятся с кантовскими представлениями о природе общей логики.

Кант отводит умозаключениям вспомогательную роль по отношению к суждениям, которые содержат реальные знания о сравнении признаков с вещами. Для отрицательных суждений это положение выглядит следующим образом: «...именно потому, что противоречие между предикатом и субъектом я не всегда усматриваю с полной ясностью, мне, насколько это возможно, приходится прибегать к вспомогательному средству, чтобы облегчить себе понимание через промежуточный признак» (2, 62). Теперь мы в состоянии выяснить значение этого положения для формирования идей критической философии. Уже в «Ложном мудрствовании...» Кант применяет свою концепцию соотношения суждений и умозаключений к проблеме соотношения рассудка и разума: «...рассудок и разум, т. е. способность отчетливого познания и способность делать умозаключения, вовсе не разные основные способности. Они состоят в способности к суждению, судить же опосредствованно и значит делать умозаключения» (2, 75). Более полно эта концепция сформулирована в «Критике чистого разума», где Кант явно заявляет о том, что рассудок есть основная способность, а разум — вспомогательная: «...разум есть способность создавать единство правил рассудка по принципам. Следовательно, разум никогда не направлен прямо на опыт или на какой-нибудь предмет, а всегда направлен на рассудок...» (3, 342). И далее: «...если чистый разум и направлен на предметы, то все же он не имеет непосредственного отношения к ним и к созерцанию их, а относится только к рассудку и его суждениям...» (3, 345). Примечательно, что последнее положение прямо выводится Кантом из того, что «...умозаключения направлены не на созерцания, чтобы подводить их под правила..., а на понятия и суждения» (3, 345).

Таким образом, мы можем сказать, что свое понимание рассудка и разума и их соотношения Кант моделирует по образцу интерпретации соотношения суждений и умозаключений, той интерпретации, которая начала складываться еще в «Ложном мудрствовании...» и была развита в «Критике чистого разума».

**Размышление третье. Содержание и объем.
Еще о недоразумениях**

В «Ложном мудрствовании...» Кант наряду со сведением всех силлогизмов к I фигуре ставит задачу обоснования «истинности» I фигуры. Аргументы, которые он приводит для решения этой задачи, дают интересную информацию для размышления о его интерпретации силлогистики и влияния этой интерпретации на трансцендентальную философию.

В качестве высших правил всех умозаключений Кант принимает два правила: «...первое и общее правило всех утвердительных умозаключений таково: *признак признака есть признак самой вещи* (*nota notae est etiam nota rei ipsius*), для всех отрицательных суждений: *что противоречит признаку вещи, противоречит и самой вещи* (*repugnans notae repugnant rei ipsi*)» (2, 63). Особенно интересным представляется то, что Кант настаивает на этих правилах в противовес более традиционному *Dictum de omni et nullo*. *Dictum de omni* гласит: все, что в понятии утверждается во всем объеме, утверждается и о каждом другом понятии, которое содержится в первом.

Нетрудно заметить, что *Nota notae* главным образом говорит о *содержании* (признаках) рассматриваемых в умозаключении понятий, а *Dictum* — об *объемах их*. Поэтому первый принцип является существенно *интенциональным*, второй — *экстенциональным*⁸. Кант настаивает на приоритете интенциональных соображений и объявляет, что *Dictum* выводится из *Nota notae*, но не наоборот. Этот вывод он объясняет следующим образом: «Основание для доказательства этого правила ясно: то понятие, которое включается в другие, всегда обособлено от них как некоторый признак...» (2, 63—64). Чтобы сделать рассуждение Канта более ясным, проведем его мини-формализацию, воспользовавшись правилами для системы натурального вывода классической пропозициональной логики.

Обозначим «*A* есть признак *B*» через $\text{Pr}(A, B)$; объем понятия *A* — через MA , союзы «и» — через \wedge , «если..., то...» \rightarrow , «...если и только если...» \Leftrightarrow . Тот факт, что объем понятия *A* есть часть объема понятия *B*, выразится следующим образом: $MA \subseteq MB$.

Тогда *Nota notae* будет иметь следующую форму:

$$(NN) \quad \text{Pr}(C, B) \wedge \text{Pr}(B, A) \rightarrow \text{Pr}(C, A),$$

а *Dictum de omni*

$$(DO) \quad MA \subseteq MB \wedge \text{Pr}(C, B) \rightarrow \text{Pr}(C, A).$$

Ключевым моментом рассуждения Канта является упомянутое «основание доказательства», являющееся, по существу, утверждением о связи объема и содержания понятий: объем понятия *A* есть часть объема понятия *B*, если и только если *B* есть признак *A*, т. е. в нашей символике: $MA \subseteq MB \Leftrightarrow \text{Pr}(B, A)$.

Теперь мы можем реконструировать рассуждение Канта, с помощью которого он получает Dictum из Nota notae и основания доказательства (ОД):

1. $\text{Pr}(C, B) \wedge \text{Pr}(B, A) \rightarrow \text{Pr}(C, A)$	(NN)
2. $MA \subseteq MB \Leftrightarrow \text{Pr}(B, A)$	(ОД)
+ 3. $MA \subseteq MB \wedge \text{Pr}(C, B)$	допущение
4. $MA \subseteq MB$	из 3, \wedge удаление
5. $MA \subseteq MB \rightarrow \text{Pr}(B, A)$	из 2, \Leftrightarrow удаление
6. $\text{Pr}(B, A)$	из 5, 4, modus ponens
7. $\text{Pr}(C, B)$	из 3, \wedge удаление
8. $\text{Pr}(C, B) \wedge \text{Pr}(B, A)$	из 6, 7, \wedge введение
9. $\text{Pr}(C, A)$	из 1, 8, modus ponens
(-3) 10. $MA \subseteq MB \wedge \text{Pr}(C, B) \rightarrow \text{Pr}(C, A)$	из (1-9) \rightarrow введение

Таким образом, Dictum можно получить из Nota notae и (ОД). Однако наша реконструкция Кантова рассуждения сразу же наводит на мысль, что этот аргумент можно обратить, т. е. получить Nota notae из Dictum и (ОД). Действительно, этот аргумент будет соответствовать следующему выводу:

1. $MA \subseteq MB \wedge \text{Pr}(C, B) \rightarrow \text{Pr}(C, A)$	(DO)
2. $MA \subseteq MB \Leftrightarrow \text{Pr}(B, A)$	(ОД)
+ 3. $\text{Pr}(C, B) \wedge \text{Pr}(B, A)$	допущение
4. $\text{Pr}(B, A)$	из 3, \wedge удаление
5. $\text{Pr}(B, A) \rightarrow MA \subseteq MB$	из 2, \Leftrightarrow удаление
6. $MA \subseteq MB$	из 5, 4, modus ponens
7. $\text{Pr}(C, B)$	из 3, \wedge удаление
8. $MA \subseteq MB \wedge \text{Pr}(C, B)$	из 6, 7, \wedge введение
9. $\text{Pr}(C, A)$	из 1, 8, modus ponens
(-3) 10. $\text{Pr}(C, B) \wedge \text{Pr}(B, A) \rightarrow \text{Pr}(C, A)$	из 1-9, введение

которое

Этот аргумент, который нами извлечен непосредственно из текста Канта, показывает, что при допущении (ОД) Nota notae следует из Dictum. является просто переформулировкой определений понятий объема и содержания понятия. Однако Кант настаивает на обратном: «...это Dictum обладает истинностью только в силу этого основания и что, стало быть, оно подчинено нашему первому правилу» (2, 64), которое «недоступно дальнейшему доказательству» (2, 63).

Мы видим, что, вопреки достаточно ясной эквивалентности Nota notae и Dictum как принципов умозаключений, Кант настаивает на том, что Nota notae является высшим принципом, не сводимым к другим. Поскольку в этом нет никакой логической необходимости, думается, что Кант делает это, исходя из философских предпочтений, а именно, предпочтения интенционального подхода к логическим понятиям, выработанного Кантом на материале силлогистики, что сказывается в «Критике чистого разума», где он различает аналитические и синтетические

суждения по тому, включается ли предикат в понятие субъекта или нет. Это предпочтение интенционального подхода имеет важные следствия для истолкования места общей логики в системе трансцендентальной философии. Действительно, рассмотрим, к чему привело бы Канта предпочтение экстенционального (объемного) подхода к силлогистике. Если бы Кант принял приоритет объемных соображений, то ему так или иначе пришлось бы обратиться к рассмотрению соотношений объемов понятий в суждениях и умозаклключениях, а это привело бы его к систематическому рассмотрению кругов Эйлера, иллюстрирующих соотношение объемов понятий и широко употребляемых для проверки истинности суждений и правильности умозаклчений⁹. Но систематическое рассмотрение кругов Эйлера привело бы Канта к введению в логику *созерцаний* (причем не эмпирических, а априорных), сходных с конструкциями в геометрии, а это подорвало бы тезис Канта о «пустоте» логических форм, лежащий в основе Кантовой концепции логики и ее места в системе чистого разума¹⁰. Таким образом, получается, что предпочтение Кантом интенциональных соображений было вызвано глубокими философскими причинами и положило первый камень в фундамент его доктрин разделения аналитических и синтетических суждений, а также общей и трансцендентальной логик.

Изложенные соображения выводят нас на еще одно недоразумение, встречающееся на этот раз в книге В. Ф. Асмуса «Диалектика Канта». По Асмусу, общая логика «может касаться лишь *объемных* отношений между понятиями, не затрагивая вовсе их содержания. И действительно, кантовская формальная логика есть логика чисто объемная, концептивная. В ней рассматриваются только правила связей между объемами концептов, основанные на формальном включении и исключении одних классов в другие или из других»¹¹. На наш взгляд, это — типичное недоразумение. Как мы видели, через всю логику Канта проходит приоритет содержательных соображений над объемными. Действительно, функции *сравнения* понятий, по Канту, выполняют суждения и умозаклчения, но и суждения, и умозаклчения определяются Кантом через признаки и их соотношение, т. е. через содержание понятий, а не через их объем. Однако следует разобраться с теми аргументами, которые В. Ф. Асмус приводит в подкрепление своей точки зрения и которые, на первый взгляд, кажутся достаточно убедительными.

Асмус приводит три аргумента, касающиеся классификации суждений. Первый аргумент заключается в том, что Кант, руководствуясь объемными соображениями, выделяет наряду с общими и частными суждениями еще и единичные. Второй аргумент — это выделение Кантом наряду с положительными и отрицательными суждениями также и бесконечных, которые по

форме не отличаются от утвердительных, но имеют дополнительные объемные характеристики. Нет оснований отвергать эти аргументы. Действительно, в «полной таблице моментов мышления вообще» учитываются объемные (экстенсиональные) соображения. Однако внимательное чтение соответствующего места «Критики чистого разума» показывает, что эта «полная таблица» и вместе с ней объемные соображения относятся к трансцендентальной логике, а в общей логике ни единичные, ни бесконечные суждения не выделяются в отдельную рубрику, именно потому, что она отвлекается от объемных соображений (см. 3, 169).

Третий аргумент Асмуса касается разделительных суждений, в которых, по Канту, простые суждения находятся в «отношении логической противоположности, поскольку сфера одного суждения исключает сферу другого», а вместе они «заполняют сферу действительного знания» (3, 170). Отсюда и из других высказываний сходного характера Асмус заключает, что «объемный характер этого разделения настолько очевиден, что дальнейшие комментарии просто излишни»¹². Однако термин «сфера» как раз и нуждается в комментариях. По-видимому, именно этот «объемный» термин и навел Асмуса на мысль использовать его для аргументации экстенсионального характера интерпретации логики Кантом. Однако стоит только вспомнить основы логического учения о суждениях, как мы сразу поймем, что экстенсиональной (объемной) характеристикой суждений являются их значения: истина или ложь. Что же тогда такое Кантова «сфера суждения»? Если проанализировать контекст употребления этого термина в «Критике чистого разума», то выяснится, что он ближе всего соответствует понятию «положение дел», введенному Витгенштейном, или, как предпочитают выражаться в последнее время, понятию «ситуация». Но и «положение дел», и «ситуация» являются *интенциональными* характеристиками предложений¹³. По Фреге, они, скорее, соответствуют смыслу (Sinn) суждений в противоположность их значению (Bedeutung). Таким образом, объемный характер Кантовой трактовки разделительных суждений есть чистая иллюзия. На самом деле он дает им интенциональную (содержательную) трактовку.

Может показаться, что в 80-х годах не имеет смысла говорить о недоразумении, содержащемся в книге, изданной в конце 20-х годов, но недоразумения живучи (вспомним уже упоминавшегося «колосса»). Так, в начале 80-х годов А. И. Уемов со ссылкой на Асмуса говорит буквально следующее: «Опора на объемные отношения не является ни в коей мере заблуждением Канта. Это единственно правильное решение, учитывая состояние логики его времени»¹⁴. Интересный пример защиты, которая, учитывая наши соображения, превращается, скорее, в нападение.

В дальнейшем мы надеемся продолжить эту работу.

¹ Аристотель. Соч.: В 4-х т. М., 1978. Т. 2. С. 120.

² См.: (2, 25—26). Интересно и замечание авторов, сделанное несколькими строками ниже: «Увлекаясь, Кант сводит четыре аристотелевские фигуры силлогизма к первой» (2, 26). Здесь уже много недоразумений. Во-первых, Аристотель выделял лишь три фигуры, а честь изобретения четвертой обычно приписывают Галену, хотя по современным представлениям она, скорее, восходит к Теофрасту и Евдему. Во-вторых, «увлекаясь», видимо, означает, что модусы трех последних фигур не сводимы к первой, а Кант, «увлекшись», сделал это. Но, как показывает пример Аристотеля, факт такой сводимости был известен задолго до Канта и вступительной статьи, о которой идет речь.

³ Маковельский А. О. История логики. М., 1967. С. 434.

⁴ Шинкарук В. И. Теория познания, логика и диалектика И. Канта. Киев, 1974. С. 42.

⁵ Гринишин Д. М., Корнилов С. В. Иммануил Кант: ученый, философ, гуманист. Л., 1984. С. 52.

⁶ Кант И. Логика: Пособие к лекциям//Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 425.

⁷ Подробнее об этом см.: Брюшинкин В. Н. Системность логических процедур//Системные исследования: Методол. пробл./Ежегодник. 1986. М., 1986.

⁸ В дальнейшем мы будем вместо пары «содержательный»—«объемный» использовать пару «интенциональный»—«экстенциональный», для того чтобы избежать путаницы с термином «содержательный» в оппозиции «содержательный-формальный».

⁹ Конечно, здесь можно предположить, что Канту в 1762 г. круги Эйлера были просто неизвестны, поскольку у самого Эйлера они впервые встречаются в 102-м «Письме к немецкой принцессе», датированном 14 февраля 1761 г., хотя вообще графические способы представления объемов понятий были известны уже с XVI в. (см. об этом: Кузичев А. С. Диаграммы Венна: История и применения. М., 1968. С. 20—21). Однако это не оказывает влияния на наше рассуждение, так как Кант не использовал эти диаграммы для систематического построения логики даже тогда, когда они были явно известны ему. В «Логике» Кант только дважды обращается к использованию диаграмм Эйлера (Логика, с. 406, 410), что, по-видимому, было сделано им «в угоду господствующим вкусам».

¹⁰ Подробнее об этом см.: Брюшинкин В. Н. Парадигмы Канта: логическая форма//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 30—40.

¹¹ Асмус В. Ф. Диалектика Канта.—2-е изд. М., 1930. С. 67—68.

¹² Там же. С. 69.

¹³ См. по этому поводу: Грифцова И. Н. Идейные предпосылки возникновения ситуационной семантики предложения//Интенциональные логики и логическая структура теорий: Тез. докл. IV советско-финского colloquiuma по логике в Телави, 20—24 мая, 1985 г. Тбилиси, 1985. С. 54—55.

¹⁴ Уемов А. И. Соотношение общей и трансцендентальной логики Канта в свете современных логических концепций//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1982. Вып. 7. С. 7.